

Фролов Р.М.

Античные дефиниции contiones как основа выработки их научного определения

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1908>]

[Публикация работы:]

Фролов Р.М. 2011: Античные дефиниции contiones как основа выработки их научного определения // Реальность. Ретроспекция. Реконструкция: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 15-25.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Античные дефиниции *contiones* как основа выработки их научного определения¹

Любой исследователь римских *contiones* сталкивается с трудностью очерчивания «границ» этого исторического явления. Опираясь только на отражение в источниках конкретных случаев *contiones*, можно первоначально обнаружить лишь, что конции представляли собой вид собраний. Поэтому вопрос о том, какие именно собрания необходимо относить к народным сходкам, становится одним из самых важных. От ответов на него зависит интерпретация специфики и значения конций в целом. До нас дошло несколько дефиниций *contiones*, данных античными авторами. Опираясь на эти дефиниции, можно попытаться точно определить наиболее общие (т. е. минимально необходимые) критерии отнесения собрания к *contio*. При сравнении имеющихся определений нужно выделить прежде всего именно те характеристики сходки, которые зафиксированы во всех дефинициях, чтобы быть уверенными в универсальности полученных критериев. Еще одно важное обстоятельство: необходимо предпочесть те критерии, которые соотносятся с интересующими нас реалиями Республики, поскольку в более позднее время понимание *contio* могло измениться.

Приступим непосредственно к анализу античных определений *contiones*. Будем обращать внимание на ограничительные условия *contio* как вида народных собраний по следующим позициям: аудитория, содержание и организатор собрания. В тексте «Аттических ночей» Авла Геллия (N. A. XVIII. 7; ок. 130–180 гг. н. э.) говорится о том, что философ Фаворин (Фаворин из Арелата, ок. 81–150 гг. н. э.) не знал, правильно ли он отождествляет *contiones* с греческим термином *δημιουργία*, означавшим «публичное выступление», саму «речь перед народом»². Авл Геллий приводит свидетельство Веррия Флакка (первая половина I в. до н. э. – вторая половина I в. н. э.), в котором говорится о трех значениях слова «*contio*»: «место, возвышение, откуда произно-

сятся слова»; «собрание предстоящего народа»; «речь, с которой обращаются к народу»³. Из этих трех значений только второе означает «собрание» (в смысле конкретного события) и является основным и исходным, поскольку остальные значения теряют без него смысл. Тем не менее и они крайне важны.

Так, значение «место, откуда произносятся слова» указывает на традицию обращения оратора к аудитории с какого-либо возвышения, но это возвышение вовсе не является каким-то определенным местом, например рострами. С точки зрения поиска ограничительных условий для определения собрания как *contio* нужно отметить, что обязательным для конций является произнесение слов (*verba*), т. е. речь. Именно она и составляет главное содержание *contio*. Собрание, где не произносятся речи, не является *contio*.

Отсюда логично развитие понимания *contio* как собственно речи перед народом. Наличие *oratio ad populum* для римлян уже было достаточно, чтобы они называли собрание *contio*. А это, в свою очередь, означает, что при изучении источников необходимо обращать внимание на любую произнесенную публично (перед народом) речь, поскольку она может указывать на *contio*. Иными словами, если упомянута только публичная речь и не отмечается других подробностей, то нельзя априорно утверждать, что это не *contio*.

Обратимся теперь к основному, исходному значению *contio* в этом определении – *coetus populi assistentis*. Отметим, что Флакк определяет *contio* через *coetus* таким образом, что практически не задает дополнительных условий, т. е. не уточняет, всякий ли *coetus* будет *contio*. Он говорит только о *coetus populi assistentis*, т. е. ограничивает все разнообразие значений *coetus* теми, где речь идет о каких-либо народных собраниях. Для сравнения: когда Цицерон определяет понятие *populus* также с помощью *coetus*, он значительно ограничивает диапазон значений последнего, поскольку говорит о *populus* как о таком лишь *coetus hominum*⁴, которое связано согласием по поводу права и общностью пользы (*Cic. De rep. I.39*)⁵. Но без дополнительных уточнений по-

нятие *coetus* представляет собой «неопределенное выражение»⁶, обозначающее просто совокупность людей или собрание в смысле конкретного события, как в интересующем нас определении Флакка. В его дефиниции, таким образом, кроме фиксации того, что слово *coetus* должно пониматься в данном случае как собрание *populus* (т. е. перед нами требование к аудитории), никаких других ограничительных условий для *contio* не задается⁷. В том числе не указывается, что, например, только магистраты могли созывать собрание. Но если *contio* – это всегда просто *coetus populi*, то какое собрание может считаться собранием *populus*? И что в применении к аудитории *contio* означал *populus*: «весь» народ или какую-то его часть?

В трактате Варрона (116–27 гг. до н. э.) «О латинском языке» (VI.43) *contio*, на что указывает И. Л. Маяк, во-первых, сближается с понятием *concilium* (на основе общности их происхождения от глагола *cogitare* – «мыслить», «думать»), а во-вторых, *contio*, в отличие от *comitia*, состоит из отдельных людей (*ex hominibus*), а не является собранием всего народа (*populus*)⁸. Если это так, то любое количество «отдельных людей» (*homines*) может составлять аудиторию *contio*, а присутствие или декларация присутствия «всего народа» не обязательны для *contio*. Тогда, если мы возвратимся к определению Флакка, ограничительное условие «только такой *coetus*, который представляет собой собрание *populus*» превращается в «только такой *coetus*, который представляет собой собрание *homines*». Иными словами, *contio* – это просто любое собрание отдельных людей (собрание как конкретное событие). Сам термин «*contio*» произошел, по Варрону, от того, что люди собирались (*ex hominibus contio dicta...*). Иными словами, ограничительных условий по составу аудитории или какой-то её организации в определении Флакка не ставится.

Что касается минимальных требований к организатору, то из таковых мы пока имеем только то, что организатор должен быть одновременно и оратором (т. е. произносить речь) либо оратор должен приглашаться организатором. Требования к оратору

обнаружить в имеющихся определениях не удастся, но кто мог организовывать *contio*?

Например, у Авла Геллия (N. A. XIII. 16. 1) рассказывается о том, каков был в общем виде порядок отъезда *contio* одним магистратом у другого⁹. Означает ли это, что только магистраты (упоминаются консулы, преторы и низшие магистраты) могли быть организаторами (председателями) *contio*? На этот вопрос нужно ответить отрицательно, поскольку магистраты здесь упоминаются не только в связи с *contiones*, но и в связи с *comitia*. Марк Валерий Мессала Руф (ок. 103–27/26 гг. до н. э.), которого цитирует Геллий, отмечает, что если речь идет не об обращении к народу с законопредложением (*ne cum populo agant*, т. е. не о комициях), а только о проведении сходки (*contionem habere*), то возможно проведение нескольких собраний одновременно. Дело в том, что на голосование *populus* не выносятся законопредложения, поэтому и не обязательно наличие «всего» *populus*. Мы видим, что *contio* «предъявляет» значительно меньше «требований» к составу аудитории, чем *comitia*, это связано с тем, что на комициях имеет место голосование, а на конциях – нет. Также и упоминание присутствия магистрата является в данном эпизоде минимальным ограничительным условием не для *contiones*, а для *comitia*, «предъявляющих» более строгие «требования».

Однако в словаре Секста Помпея Феста прямо сказано, что сходка созывалась только магистратом или жрецом при помощи глашатая (P. 38, s. v. *contio*)¹⁰. Фест писал во II–III вв., а потому неудивительно, что он мог неверно интерпретировать этот институт в то время, когда конции уже давно потеряли былое политическое значение, а также изменилось само их понимание. Геллий же цитирует Веррия Флакка и Мессалу Руфа, живших в конце Республики и потому вызывающих большее доверие. Степень знания Фестом реалий Республики легко проверить. Так, например, Фест не упомянул плебейского трибуна (первоначально не являвшегося магистратом) в качестве главного инициатора *contiones* (что видно по данным о конкретных случаях конций). Фест пишет о том, что сходки всегда созывались при помощи глаша-

таев, однако известны примеры того, как магистрат, не прибегая к помощи *praesones*, организовывал собрание (*Liv.* II. 23.9–11) или зачитывал письма (например: *Liv.* XXV. 1.11–12). Отсюда свидетельство Феста не должно безоговорочно приниматься как вполне ясное и в отношении других данных. Во всяком случае, пассаж нельзя с уверенностью считать описанием реальной ситуации эпохи Республики. Из этого следует, что участие магистрата или жреца, вопреки Фесту, не являлось обязательным для созыва сходки и не может быть принято безоговорочно как критерий поиска информации о республиканских *contiones*. Однако полностью исключить из рассмотрения это важное свидетельство также нет оснований. Из него следует как минимум, что какие-то сходки на каком-то этапе созывались не иначе как магистратом или жрецом.

Если обратить внимание на еще одно генерализирующее высказывание Варрона (*LL.* VI. 90–94), то мы увидим, что упоминаются определенные магистраты, которые только и могли созывать *contiones*. Но созыв сходки был в описываемом Варроном случае лишь частью более общего процесса, который подразумевал проведение перед *contio* ауспий, а после – центуриатных комиций, что означает только тот случай сходки, когда она предшествовала собраниям для голосования¹¹. Потому Варроном и отмечаются ограничения: только определенные магистраты могли созывать сходку, а также должны были проводиться ауспииции и т. д. Понятно, что перед нами вновь частный случай, который нельзя использовать для выделения наиболее общих критериев. Это подтверждается, во-первых, тем, что ауспииции, как полагают все исследователи, были необязательны для сходки как таковой (вне ее связи с комициями)¹². А во-вторых, упомянутые Варроном консулы, преторы, цензоры и квесторы – далеко не все должностные лица, которые зафиксированы в источниках как обычные инициаторы *contiones*.

Авл Геллий дает еще одно определение *contio* (со ссылкой на уже упомянутого нами Мессалу Руфа): «проводить сходку – значит обращаться к народу без внесения рогации» (*N. A.* XIII.

16.3: “contionem” autem “habere” est verba facere ad populum sine ulla rogatione). Или по-другому: contio – это такое собрание народа, на котором его организатор не предлагал собравшимся голосовать законопроект. Это определение подчеркивает главное отличие сходок от комиций, т. е. определяет конции в сравнении с наиболее близким к ним институтом – комициями. Именно отсутствием голосования конции отличались от комиций. Нужно добавить, что по этому определению contio немыслима без verba facere и без populus. Но последний, как мы выяснили, в отношении конций не populus как таковой, а любая совокупность homines. Однако из этого определения не вполне ясно, мог ли созывать такую сходку только магистрат? Сам Мессала пишет именно о магистратах, но ведь его сочинение всецело посвящено им. Геллий, обобщая сведения Мессалы, уже не упоминает магистратов. Однако нет оснований исключать ту возможность, что Геллий подразумевал их обязательное участие в созыве и проведении конций, но, как само собой разумеющееся, не упомянул его.

Суммируя, нужно отметить следующее. Имеющиеся античные дефиниции contiones дают нам ряд важнейших характеристик конций, которым должно было соответствовать собрание, чтобы считаться сходкой в понимании самих римлян. Однако полученные критерии хотя и являются необходимыми, но остаются недостаточными, т. е. не позволяют с уверенностью определить все случаи contiones. Иными словами, любое собрание, которое не соответствовало полученному описанию, не могло считаться contio, но не всякое собрание, которое ему соответствовало, могло считаться contio. Дело в том, что античные дефиниции, помимо того, что могут содержать неточности¹³, еще и противоречат друг другу по важнейшему пункту – кто мог созвать сходку и руководить ей. Можно с равными основаниями предположить, либо что одни дефиниции указывают не на сходки вообще, а на какой-то отдельный их вид, либо что в других, менее строгих определениях могли быть не упомянуты обязательные требования к contiones, которые мы находим в более строгих дефинициях.

Каковы основания для подобного заключения? У нас есть определение Феста, где четко сказано, что сходка созывалась именно магистратами, но отсутствует определение, где так же четко сказано, что сходка созывалась не только магистратами или жрецами, что она могла созываться и частными лицами. Однако имеются дефиниции Геллия (Флакка и Мессалы), где магистраты не упоминаются. Оба «типа» определений неубедительны, невозможно предпочесть какое-то одно, но по разным причинам. Менее строгое – потому что в нем может отсутствовать требование к председателю (оно могло быть опущено). Нельзя сказать точно, что участие магистрата было необязательным только на основании того, что он не упомянут (есть дефиниция, где для *contio* требуется участие магистрата). Но и позиция Феста неубедительна, однако по другим причинам: во-первых, если Фест говорит, что только магистрат мог созывать сходку, то мы можем предположить, что Фест имел в виду какой-то особый вид сходки, например предкомициальную (как в сообщении Варрона), а комиции всегда, конечно, созывались только должностными лицами. Тогда ясно, что требование участия магистрата могло быть необязательным для других сходок. Во-вторых, неточность Феста (см. выше) сама по себе заставляет искать дополнительные подтверждения его сообщению.

При таком подходе дефиниция Феста кажется неубедительной, потому что оказывается более строгой (и не совсем ясной), а дефиниции, приводимые Геллием (особенно цитата из сочинения Флакка), – менее строгими. Если Флакк мог что-то опустить из требований к сходке (что её созывал всегда магистрат), то Фест, наоборот, мог говорить не обо всех сходках, а о каком-то одном их виде, иначе, если бы Фест говорил обо всех сходках, тогда и Флакк должен был упомянуть о магистратах, ведь Флакк пишет обо всех возможных значениях термина «*contio*».

Итак, хотя дефиниции и соглашаются или непротиворечиво дополняют друг друга по ряду критериев (которые мы поэтому и принимаем как обязательные характеристики конций), в других частях различаются существенно, а в целом не во всем вызывают

доверие. Следовательно, нужны дополнительные основания для того, чтобы считать, что то или иное собрание было (или не было) в понимании римлян *contio*. В любом случае нельзя отказываться от рассмотрения всех несанкционированных магистратами собраний в качестве *contiones* только на основании определения Феста. Мы могли бы уже сейчас вводить дополнительные критерии отнесения собраний к *contiones*, но нет никаких оснований считать, что в таком случае удастся охватить все виды народных сходок, исследовать институт в целом. Тем более что в случае любого искусственного ограничения объекта исследования мы рискуем приписать ему несуществовавшие особенности, а значит не только не понять отдельные его проявления и, как следствие, явление во всей его полноте, но и неправильно оценить ту его часть, которой все-таки уделено внимание.

Таким образом, несанкционированные магистратами собрания необходимо рассмотреть дополнительно и если они соответствовали выявленным основным критериям (отсутствие голосования, публичное выступление оратора, политический характер собрания), то нужно дополнительно проверить прежде всего, обозначены ли они термином «*contio*» или его аналогами (соответствия между ними и самим понятием «*contio*» можно установить, анализируя менее спорные случаи, когда собрание созывал магистрат). Если собрание, отвечающее выявленным критериям, обозначено *contio*, значит в понимании римлян оно ей и являлось.

Однако чтобы вернее убедиться в том, что перед нами именно политический институт, а не, например, неорганизованные массовые акции, предлагается также анализировать, будет ли такой спорный случай соответствовать самым общим, уже современным, представлениям о политическом институте и в какой степени. Прежде всего, было ли оно легитимным, т. е., во-первых, законным с точки зрения публичного права, конституционных обычаев (что можно выявить и из логики описываемых в источниках событий), во-вторых, являлось ли оно признанным магистратами и сенатом (например, оно могло быть возглавлено магистратом), в-третьих, было ли такое собрание признано также

и рядовыми гражданами или значительной частью гражданства (например, звучавшие на сходке предложения могли быть в дальнейшем приняты комициями). Наконец, необходимо проверить, что сообщает античная традиция о результатах и последствиях собрания: привело ли оно к разрешению конфликта, служило ли в конечном итоге интересам *civitas* в целом или же, напротив, ставило под угрозу существование *res publica*? Хотя в античных дефинициях мы не находим требования «общественной полезности» *contiones* (ср. тем не менее: *Cic. De rep. I.39*), мы можем попытаться найти информацию об этом в нарративной традиции.

При таком подходе вывод о принадлежности того или иного собрания к числу *contiones* будет получен уже не только на основе античных определений (которых явно недостаточно для подобного вывода), но и на основе анализа терминологии источников, а также информации о степени легитимности и об «общественной полезности» собрания (самые общие критерии современного понятия политического института). Почему важны именно такие критерии политического института? Если априорно рассматривать сходки только как *государственно-политический* институт, то есть риск неоправданно добавить к имеющимся критериям – в силу определения такого института – критерий наличия носителя публичной власти. Но, как мы видели, обязательное участие должностного лица в руководстве *contio* вовсе не очевидно из античных дефиниций. Следовательно, нужно применить понятие *общественно-политического* института, для содержательного наполнения которого участие носителя публичной власти не является необходимым.

В заключение следует отметить, что многие исследователи, например Г. Моритсен¹⁴, исходят, по сути, именно из противоречивых дефиниций античных авторов, не пытаясь сопоставить их, выделить совпадающие минимальные критерии этих дефиниций, предпочитая фактически одно, весьма ненадежное, определение Феста. Дальнейшее исследование и строится у Г. Моритсена на основе этого определения, что обуславливает неоправданное сужение числа случаев народных собраний, рассматриваемых

в качестве *contiones*. Эта историографическая тенденция возникла после появления монографии Ф. Пина Поло¹⁵, в которой утверждалось, что *contiones* были собраниями, организуемыми исключительно должностными лицами. Для пересмотра такого подхода, как мы попытались показать, основания имеются.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 и при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а.

² О глаголе *δημιουργέω* и его употреблении при описании римской народной сходки см.: *Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989. P. 38–39.*

³ *Contionem autem tria significare, locum, et verba, suggestumque, unde verba fierent; item significare coetum populi assistentis; item orationem ipsam, quae ad populum diceretur...* М. М. Покровский полагал, что значение «речь» в лат. *contio* (так же как в греч. *αγορά*) выработалось посредством политического языка. Исследователь аргументировал ту мысль, что во многих языках слова, обозначающие понятие «говорить», возникли из терминов, первоначально означавших «сходиться», «собираться», «собираться в круг». Понятия «собрание» и «речь» могут обозначаться одним и тем же словом. М. М. Покровский, таким образом, показал, что значения *contio*, которые упоминает Геллий, могли сложиться при употреблении самого термина *contio* в основном в сфере именно политической жизни. Согласно исследователю, *contio* – исключительно «политическое собрание и речь, в нем произносимая» (*Покровский М. М. Семасиологические исследования в области древних языков. Изд. 2-е. М., 2006. С. 41–43.*)

⁴ Здесь «*coetus*» означает не народное собрание как конкретное событие, а совокупность, общность людей.

⁵ *Est igitur res publica res populi, populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensus et utilitatis communiione sociatus.*

⁶ См.: *Шюрбаум В. Цицерон: De re publica // Res publica: история понятия / науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2009. С. 197.*

⁷ О понятии «*coetus*» см. тж.: *Фролов Р. М. Употребление термина «coetus» в Кодексе и Дигестах Юстиниана // Время. События. Этнос: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 51–55.*

⁸ *Маяк И. Л.* Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 79.

⁹ Consul ab omnibus magistratibus et comitiatum et contionem avocare potest. Praetor et comitiatum et contionem usquequaque avocare potest nisi a consule...

¹⁰ Contio significat conventum non tam en alium quam eum qui a magistratu vel a sacerdote publico per praeconem convocatur.

¹¹ См. тж.: *Pina Polo F.* Las contiones... P. 4.

¹² См., в частности: *Botsford G. W.* The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic. N.-Y., 1909. P. 110–111; *Mueller H.-F.* Nocturni coetus in 494 BC // Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski. Ed. C. F. Konrad. Stuttgart, 2004. P. 82–83.

¹³ См. выше об отсутствии упоминания Фестом плебейских трибунов в качестве организаторов конций и об обязательности, с точки зрения Феста, использования глашатая при созыве сходки.

¹⁴ *Mouritsen H.* Plebs and politics in the late Roman Republic. Cambridge, 2001. P. 38.

¹⁵ *Pina Polo F.* Op. cit.